

Молотки, конструктивизм и консерватизм

В Большом театре в цикле «Камерные вечера» Малкольм Билсон играл на молоточковом фортепиано

Юлия Бедерова

В цикле «Камерные вечера в Большом. Пароль: Фиделио» с программой из клавирной музыки венских классиков, выступил Малкольм Билсон – музыкант, ученый, педагог, софистицированный интеллект по всем приметам, в том числе и внешним, как то: солидный возраст, мягкие манеры, уютный стиль. Четверть века Билсон числится одним из лидеров мирового исторического исполнительства (осведомленного в старых традициях и использующего адекватные репертуару инструменты). Его продукция, сделанная на самых авторитетных звукозаписывающих фирмах, в том числе Teldec, Deutsche Grammophon, Nonesuch, пользуется в мире отменной репутацией. Его приоритеты – не излюбленное старинщиками барокко, но фортепианная музыка XIX века – от Гайдна до Шуберта. Ровно этот репертуар он играет и записывает с такими неординарными фигурантами исполнительской элиты, как Джон-Элиот Гарднер или Джеймс Ливайн (с Ливайном Билсон записал не что-нибудь, но вполне концептуальный эксклюзив – игру Шуберта в четыре руки). На аутентично ориентированном рынке, вовсе не имеющем вид мечтательно-неприступной и бунтарской фифы, но обладающем всеми положенными рынку институтами (к примеру, исполнительскими конкурсами), большой славой пользуются ученики Билсона.

Сам же он, как заметила публика Бетховенского зала, – в той же степени остроумный и поэтический искусственный мастер, в какой совсем не виртуоз. Некоторое количество пассажей под его пальцами оказываются неловкими, что-то может спутаться или застрять, однако не только вся конструкция, но и сама ткань гайдновских, моцартовских и бетховенских сонат представля-

ется изящной наукой. Такой, которая лишена наукообразности, но наделена значением изысканного звукового ремесла.

В Большом Билсон взял себе в партнеры молоточковое фортепиано «Neupert» (принадлежащую Московской консерватории двадцатипятилетнюю копию венского инструмента XVIII века), самолично отремонтировав его перед концертом, и заставил инструмент (уже не клавиесин, но еще не рояль, оттого – с очаровательным сочетанием хрупкости и матовости, с эфемерным предощущением будущей пышности) предъявить залу ажурные мотивные инкрустации в соль-мажорной сонате Гайдна, спонтанные театральные представления, на которые способна упругая фактура Моцарта в Сонате

Большому нужны традиции консервативной ситуации камерного концерта

соль-мажор К. 283, помнящей в старинной регистровке фантазийную прыть Карла Филиппа Эммануила Баха и редкостного Бетховена. Из тканей последнего (Семь Багателей и Соната ми-бемоль-мажор, ор. 7) Билсон выкачал философический масштаб, претендующий в культуре на статус космоса, так что в хрестоматийных фортепианных изысканиях Бетховена стал заметен непомерно поэтический конструктивизм, а на место домовитой архитектуроники встали тихо взбудораженные цепи изощренных деталей.

В финале лаконично выполненной программы Билсон долго бисировал под аплодисменты неполного Бетховенского зала. Несмотря на эту самую неполноту, очевидно, что абонементный

цикл, который эффектно заявил о себе в конце прошлого года, набирает вес.

Своими соображениями о концепции и перспективах цикла с «НГ» поделился руководитель отдела репертуарного планирования Большого театра Петр Поспелов.

– Для чего нужен камерный концертный цикл оперному театру и как его формат и судьба связаны с изменением концепции реконструкции Большого?

– В буклетах большинства театров мира можно увидеть такую графу – «концертный сезон». Так что мы ничего не придумываем. И для нас это не экзотика, но то, чего давно не хватало. Вообще в Бетховенском зале уже давно идут и продолжают

концерты – в основном солистов театра, инструменталистов оркестра и в основном в дневное время. Тем не менее оформленный цикл театру необходим.

Первоначально мы хотели до закрытия основного здания театра на реконструкцию всего лишь успеть заявить здесь нечто новое. Но теперь ясно, что театр будут закрывать ежегодно только на лето, с небольшим захватом осенних и весенних месяцев, так что абонемент Бетховенского зала будет в каждом сезоне.

– Каков принцип его формирования?

– «Камерные вечера в Большом» – это специальный, эксклюзивный абонемент для избранных. Мы стараемся приглашать в программы «Камерных вечеров» музыкантов, которые

либо никогда не играли в России, либо были здесь очень давно. В том, что касается круга и уровня, его можно сравнить с «Декабрьскими вечерами», к которым я испытываю огромное уважение. Отличие в том, что здесь проходит примерно по одному концерту в месяц в течение всего сезона. К тому же мы не сковываем себя одной темой. Просто смотрим, чтобы не было повторов. Чтобы не было только старинной или только современной музыки. А иногда даже повторы кажутся уместными и интересными. Например, немецкая певица Клаудиа Барайнски в марте будет петь тот же прокофьевский цикл, что и Елена Прокина в ноябре.

– На какую публику рассчитан цикл, в чем особенность его формата?

– Для нас важно, что это не салон и не гостиная. Сюда должны ходить ради искусства и ради престижа. Скажем, аутентисты – на аутентистов, а светская элита – чтобы побыть в компании искусственных публики и музыкантов.

Неполный зал – это неправильно. Проблема в том, что произошло своего рода умножение нового на новое: мало кто ждет концертов в Большом и к тому же имена исполнителей, известных в мире, мало известны здесь. Может, это и было стратегически не совсем верно, новое должно быть укомплектовано старым, но так уж сложилось, и со временем эту проблему мы решим. Аншлаги должны быть нормой.

– Как обстоит дело с билетами?

– В Бетховенском зале 300 мест. 150 – это абонементы для банкиров и дипкорпуса. 50 – в свободной продаже, в кассе Большого театра. 100 распространяются бесплатно – для прессы и богемы.

– А как взаимосвязаны концертные циклы на основной

сцене театра и в Бетховенском зале?

– Сезон на основной сцене тоже стремится приглашать солистов, но, как правило, в этих программах также принимают участие оркестр, солисты или кто-то из дирижеров Большого. А главное в том, что если на основной сцене преобладают ораториальные жанры, связанные с духовностью, с серьезной культурой, и это всегда несколько больше, чем концерт, здесь должны быть откровения, то цикл в Бетховенском зале задуман как сочетание светскости и консервативного стиля. Здесь надо закладывать традиции консервативной ситуации камерного концерта.

– После концерта итальянского ансамбля Il Giardino Armonico в кулуарах обсуждалась возможность постановки оперы этим ансамблем. Возникают ли в связи с циклом дополнительные возможности и, скажем так, организационный резонанс?

– С Il Giardino Armonico как раз ведутся переговоры (о продукции для новой сцены, мы, кстати, больше не называем ее «филиалом»). Сперва мы действительно просто потрепались после концерта, но, возможно, это станет и не трепом. С другой стороны, они уже приглашены на следующие – «итальянские» «Декабрьские вечера». «Камерные вечера в Большом» стремятся к эксклюзивности своих программ, но мы весьма довольны, если наши музыканты начинают здесь играть и дальше.

– Немного экстравагантное название у консервативного цикла – «Пароль: Фиделио», не так ли?

– С одной стороны, со ссылкой на название бетховенской оперы оно уместно для Бетховенского зала. С другой – это ведь фраза из последнего фильма Стенли Кубрика «Широко закрытые глаза». Так что, это деталь для тех, кто знает. ■